

Елена Старикова
СУРОВЫЙ ЮГ

Елена Старикова Суровый Юг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66833478

ISBN 978-5-0055-5777-3

Аннотация

Спросите меня, что является главным богатством Вторчермета? Я отвечу не задумываясь: ЛЮДИ. Вначале они покажутся вам слишком суровыми и неприветливыми. Но очень скоро вы увидите, что это очень открытые, немного наивные, одним словом лучшие представители человечества...

Они готовы снять с себя последнюю рубаху, если потребуется, и с такой же легкостью занять у незнакомого человека десять рублей, потому что «трубы горят, сестренка!» Этим замечательным людям и посвящается моя книга.

Содержание

Пролог	5
Вторчермет. Начало	7
Пролетарская окраина	16
Гряда	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Суровый Юг

Елена Старикова

Здесь люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик.

А. П. Чехов

(из письма 29 апреля 1890 года, Екатеринбург, во время путешествия на Сахалин)

Корректор Ольга Рыбина

Иллюстратор Екатерина Корпачева

Дизайнер обложки Ольга Королева

© Елена Старикова, 2021

© Екатерина Корпачева, иллюстрации, 2021

© Ольга Королева, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-5777-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Конец октября 2006 года выдался на удивление теплым и солнечным. Деревья, растущие вдоль центральной улицы поселка Никаноровка, еще сохранили свой поздний яркий багрянец. Потревоженные собаки звонко лаяли на всю округу. Где-то вдалеке хрипел петух. Я и мой супруг, прищурившись, внимательно изучали двухэтажную смесь швейцарского шале и цыганского барокко – наш будущий дом.

Разве могли мы подумать, что ближайшие пятнадцать лет проведем в самом загадочном для нас на тот момент районе Екатеринбурга.

Здесь родится младшая дочь, проживет свои последние годы мой отец, да и мы сами, наконец, повзрослеем и заматереем.

Мой бывший коллега по работе ласково называл это место «краем непуганых идиотов». И поначалу мне именно так и казалось, уж слишком суровыми и неприветливыми выглядели местные жители. Вдобавок в соседи нам достались две шумные цыганские семьи, не вызвавшие к себе никакой симпатии, и разгульный «Кошкин дом» (коттедж для праздников) с ежедневными битвами в караоке и искрящимися фейерверками.

Сегодня, оглядываясь назад в прошлое, я пытаюсь понять, что заставило нас поменять комфортный Юго-Запад

на brutальный Вторчермет? Что так прочно держит нас здесь до сих пор? Близость к земле-матушке, удаленность от шумного центра? Конечно же, нет.

Я думаю ЛЮДИ, те самые «непуганые идиоты», очень открытые, немного наивные как дети. Практичные в поступках и категоричные в суждениях. Они готовы снять с себя последнюю рубаху, если потребуется, и с такой же легкостью занять у незнакомого человека десять рублей, потому что «трубы горят, сестренка!» Или всей улицей тащить тяжеленное пианино для маленькой девочки, с перспективой вырастить собственную черметовскую Пахмутову.

Этим замечательным людям и посвящается моя книга.

Вторчермет. Начало

Мой дедушка, полковник в отставке, был для меня всегда источником знаний. Я не считала нужным утруждать себя чтением занудных книг «по теме», зная, что, придя к деду и задав практически любой вопрос, получу нужный экстракт сведений, необходимых для школьного доклада или выступления на научно-практической олимпиаде. К своим пятидесяти пяти он обладал обширными знаниями в различных областях, полученными на почве любви к книгам.

Мама рассказывала, что в советское время дедушка после уплаты партийных взносов шел в книжный магазин. После таких походов в доме появлялась очередная интересная книга или справочник. Остальные деньги, за исключением закладки на карманные расходы, перекачевывали в бабушкин кошелек для ведения хозяйства.

Как-то раз Юлия Александровна, наша учительница географии, велела подготовить доклад на тему «Место, в котором я живу. Интересные факты и история». Сроку было дано два дня, а материалов в учебниках ноль. Естественно, я сразу же обратилась за помощью к «домашней ходячей энциклопедии» – так в шутку папа называл своего любимого тестя, моего деда. Дедушка внимательно выслушал меня и сказал:

– А ты знаешь, Евгеша, что общего у нашего района и США?

В ответ я только пожала плечами.

– Ну, тогда слушай, расскажу тебе интересную историю о том, как появился наш район.

Мне всегда нравилось бывать в дедушкиной комнате. В ней пахло свежими газетами и крепким табаком – дед выкуривал по три пачки сигарет в день, кашлял каждый раз как в последний, но пагубной привычки не бросал. Усевшись на кровати, я принялась внимательно слушать.

– В конце двадцатых – начале тридцатых годов прошлого века город на юге заканчивался в районе нынешней улицы Южной, или как она тогда называлась 7-й Загородной. Сам Павел Петрович Бажов, – дед театрально поднял вверх указательный палец, – в своей книге «Дальнее-близкое» писал, что в этом месте «вонь стояла ужасная и валялись кишки». Здесь располагались специфические предприятия: городские скотобойни, мыловарни, кожевенные мастерские. Не всякий человек мог вынести такие ароматы.

Там, где сейчас по улице Фучика проложены рельсы и ходит трамвай, раньше текла речка Черемшанка. А за ней вдоль Елизаветинского тракта – старые заимки и сплошной лес. Такие леса называли дачами.

В годы первых советских пятилеток город начинает расти. На севере – строится промышленный гигант Уралмашзавод. Только он один дает прирост населения почти на тридцать процентов. Тогда руководителями Свердловского горисполкома было принято решение строить мяскокомбинат, который бы снабжал продовольствием постоянно растущий город. И именно вокруг будущего мяскокомбината потом вы-

растет наш район.

Нулевой точкой отсчета для Вторчермета можно считать перекресток улицы Титова и переулка Рижского – место строительства поселка треста Мясохладстроя. Поселок для строителей, а потом и рабочих мясокомбината строили на совесть. По меркам тридцатых годов это были шикарные дома. Они выглядят как каменные, а на самом деле деревянные стены покрывали несколькими слоями штукатурки.

– Ну а при чем же здесь США? – я нетерпеливо перебиваю деда в предвкушении интригующей истории.

Дед встал со своего кресла и взял с полки книгу в черно-белой суперобложке под названием «Так было. Размышления о минувшем» – А. И. Микоян. С обложки книги смотрел темноволосый моложавый мужчина с густыми усами и приятной полуулыбкой.

– Бывший бакинский подпольщик Анастас Иванович Микоян, – продолжил свой рассказ дедушка, – в 1934 году был назначен на пост народного комиссара пищевой промышленности СССР. В 1936 году он посетил США, познакомившись с новейшими технологиями, многие из которых затем появились в СССР. Таким новшеством, например, для нас было создание филиалов мясокомбинатов на окраинах городов, в которых производилась фасовка-разделка мяса и выпуск вареных колбас.

Сталин устроил Микояну «зеленую улицу» для возведения подобного рода объектов по всей стране. И наш го-

род не стал исключением. Это позволило перейти от кустарных промыслов к полноценной индустрии. Появились знаменитые отечественные колбасы – «Докторская», «Любительская», «Чайная», «Телячья» и др.

После знакомства на сельскохозяйственной выставке в Чикаго с технологией производства майонеза было заключено соглашение о производстве этого продукта в СССР под наименованием «Провансаль». Такой майонез продавался в большинстве гастрономов страны. Свердловский жиркомбинат строился почти одиннадцать лет и был запущен гораздо позже, чем мясной, в октябре 1959 года.

В Нью-Йорке делегация во главе с Микояном попробовала несколько видов мороженого. С ноября 1937 года пломбир, крем-брюле, эскимо, ванильное, фруктовое стали производиться ГлавХладоПромом как лучшее в мире «советское мороженое» на основе натуральных ингредиентов, без консервантов. Сталин даже укорял Микояна, что для него изготовление хорошего мороженого важнее коммунизма.

– Ничего себе! А я всегда думала, что эскимо – наше изобретение!

– Много других американских штучек прибыло в 1936 году в СССР. Я рассказал тебе только о тех, что определили судьбу нашего района. Держи – сама на досуге прочитаешь, – дед протянул мне книгу мемуаров.

– Мясокомбинат начал работать в 1936 году, – продолжил дедушка, – в это время запускаются первые холодильные

и разделочные цеха. Кстати, за воротами нынешнего комбината сохранилась старая проходная 1939 года. Возможно, это прозвучит странно, но если бы не Великая Отечественная война, то до застройки этой территории дошло бы нескоро. Стоял бы одиноко только мясокомбинат да малочисленные двухэтажные деревянные дома для пишевиков.

Я вспомнила рассказ женщины-ветерана, приходившей к нам в класс перед Днем Победы. Во время войны в южную промышленную зону Свердловска стремительно перевозили оборудование предприятий с запада СССР – здесь проходила Южная железная дорога. Расположение Вторчермета крайне удачное: с одной стороны проходит автомобильная магистраль, с другой – железнодорожная ветка. Поэтому все предприятия ставились между двух дорог.

Еще до войны здесь начали возводить завод вторичной переработки металлов, который достраивали в 1942 году совместно с рабочими киевского «Вторчермета», эвакуированного на Урал. Именно он и дал название нашему району, которое он с гордостью носит до сих пор.

Огромную территорию района обустроили всего за 5 лет, большая часть этого срока пришлась на военное время. Одновременно с заводскими корпусами строили жилье для рабочих и, что особенно удивительно, детсады, школы, техникум. В 1944 году, в день Красной Армии, был пущен первый трамвай до завода РТИ. Так был решен вопрос транспортировки рабочей силы на производство, вывоза готовой про-

дукции на фронт, а также обеспечения жителей продовольствием и топливом.

– Я родился после войны, в 1950 году. Мы с родителями и старшей сестрой жили на Автовокзале, в деревянных бараках на Степана Разина, – неожиданно сменил тему дед. – В пятом классе я серьезно увлекся баскетболом. Был капитаном школьной, а затем и взрослой спортивной команды. Помню, как в один из морозных зимних дней мы с товарищами впервые поехали на Вторчермет, в восьмилетку на Военной, играть на первенство Чкаловского района. Взяли авоськи с мячами и кедами, сели на Южной в деревянный холодный трамвай. Когда вагон разгонялся, в щели окон и дверей задувал ветер и летел мелкий снежок. Благо, ехать было недалеко, мы не успели сильно замерзнуть и школу нашли сразу. Кстати, она стоит до сих пор. Только теперь в этом здании медицинский центр. Спустя полчаса, когда в школьной раздевалке я менял свои зимние ботинки на кеды от «Красного треугольника», то очень боялся их сломать. Такие они были промерзшие, – с улыбкой сказал дед.

– Мы еще не раз играли на Вторчике, в других школах, и вот что мне понравилось. Здесь невозможно заблудиться: планировка района очень компактная и простая. Почти каждая улица выходит напрямую к проходной того или иного завода. Например, улица Военная – на проходную завода РТИ, следующие параллельные улицы ведут на проходную мясо- и жиркомбината, затем четыре улицы – на проходные завода

«Вторчермет».

При проектировании и строительстве района все было сделано так, чтобы люди быстро могли добраться до места работы, перемещаясь по одной прямой: детский сад, школа, техникум, завод. А на обратном пути в эту схему включался продуктовый магазин.

К слову сказать, по застройке жилого массива для работников завода «Вторчермет» можно отследить все исторические этапы развития района. Изначально возводились жилые здания в два или три этажа. Так требовал действовавший в то время генеральный план города. Четырех- и пятиэтажные дома пришли в 1950—1960-е годы во времена массовой застройки, следом – панельные девятиэтажки, нынешние небоскребы...

– Кстати, а тот матч вы как сыграли? – лукаво улыбнувшись, спросила я у дедушки.

– Обижаешь! Победили с разгромным счетом! Не зря меня в команде прозвали Летающим Шкафом, мой 15 номер противники побаивались и уважали одновременно, – с гордостью ответил дед.

Мы еще долго беседовали с дедом о его молодости, о том Свердловске, в котором он родился и вырос. Из принесенной обувной коробки дедушка с трепетом доставал старые фотографии. На многих были изображены юные баскетболисты середины прошлого века, или дедушка-малыш в матроске, сидящий в обнимку со своими родителями, или воз-

мужавший дед-студент пединститута, проходящий практику в школе.

К каждой фотографии обязательно делался подробнейший комментарий. Непридуманная история родного города и его жителей по-настоящему оживала на моих глазах.

Пролетарская окраина

Ежегодно перед Днем Победы в нашу школу приглашают ветеранов, участников Великой Отечественной войны. Пожилые люди очень трогательно вспоминают о тех нелегких годах, а мы с интересом слушаем их, стараясь уловить и запомнить каждую деталь рассказа. Сегодня должна состояться одна из таких традиционных встреч.

Накануне ребята дружно украшали класс. Я как пресс-секретарь школьной газеты подготовила вопросы для нашей гостьи и теперь, стоя у доски, с волнением ждала начала. Наконец дверь отворилась и в класс в сопровождении Нелли Григорьевны, завуча нашей школы, вошла красивая женщина лет семидесяти.

– Здравствуйте, ребята! Сегодня у нас в гостях Людмила Михайловна Алексеева, – громко представила нашу гостью Нелли Григорьевна. – Людмила Михайловна с мамой и старшим братом были эвакуированы в Свердловск из Киева с заводом «Красный резинщик» в 1941 году.

«Ребенок войны», – подумала я. Еще в начальной школе на чердаке бабушкиного дома среди паутины и старых коробок я обнаружила несколько книжек из серии «Пионеры-герои», изданных в советское время. Помню, как, не отрываясь, прочитала их одну за другой, с ужасом разглядывая иллюстрации. Бабушка обнаружила меня на темной веранде,

рыдающей над рассказом о том, как фашисты пытали Зину Портнову: «Бабулечка! Как же так? Разве такое можно пережить?»

Людмила Михайловна села на предложенный ей стул рядом со столом, накрытым красной тканью. На столе стояли несколько свежих гвоздик в вазе, бутылка с водой и пластиковые стаканчики. Одноклассники с интересом рассматривали приглашенную. Короткие, окрашенные в каштановый цвет волосы, удивительно гладкое, почти без морщин, открытое лицо. Серые прозрачные глаза. Руки, покрытые выпуклой сеточкой голубоватых вен, единственные выдавали возраст женщины. Безымянный палец украшало широкое золотое кольцо с двумя рубиновыми звездочками по центру.

От гостьи исходило такое тепло, что казалось, будто мы знакомы тысячу лет. В классе стояла непривычная тишина. Все заранее подготовленные вопросы куда-то улетучились из моей головы, и Людмила Михайловна, каким-то чудесным образом поняв это, начала свой рассказ.

– Когда началась война, мне было семь лет. Мы с родителями и старшим братом Колей жили в Киеве, на Украине. Папа и мама работали инженерами-технологами на знаменитом заводе макательных изделий «Красный резинщик».

– Каких изделий? – переспросил отличник и главный зануда нашего класса Толя.

– Макательных, то есть резиновых изделий, изготовленных без швов, – спокойно пояснила гостья. – Например, в 30-

е годы прошлого века были очень популярны галоши, изготовленные таким способом. Нигде в мире еще не применяли штамповку для их производства. Только в СССР.

Удовлетворенный ответом Толя стал внимательно слушать дальше.

– А вы помните, как началась война? – завуч решила вернуть разговор в прежнее русло.

– Очень отчетливо, – негромко произнесла Людмила Михайловна, и взгляд ее вдруг сделался печальным. – Накануне папа с большим трудом купил себе и Кольке билеты на открытие нового стадиона. После спортивного парада должен был состояться матч киевского «Динамо» с ЦДКА. Вечером мы по традиции собрались в большой комнате за столом. Папа и брат с жаром обсуждали перспективы любимых динамовцев. Мы с мамой старательно удаляли косточки из молодой черешни, чтобы завтра побаловать домочадцев фирменным пирогом. Спать легли в тот вечер не сразу, уж слишком были возбуждены разговорами о предстоящем событии.

Чувствовалось, как тяжело даются нашей гостье воспоминания, голос ее заметно дрожал. Так бывает, когда пытаешься сдержать слезы.

– Около 7 часов утра я проснулась от страшного грохота. Меня подбросило в кровати, на пол со звоном падала посуда, этажерка с книгами покатила по полу и уперлась в стенку рядом с балконом. За окном, где-то в районе киностудии, полыхало яркое пламя. Мама в одной сорочке, босиком, прямо

по осколкам уже бежала ко мне. Схватив в охапку, она укачивала меня как маленькую и повторяла: «Все хорошо, моя дорогая, не плачь, все хорошо...», а я вовсе не плакала, видно не успела как следует испугаться и толком не понимала, что происходит. Спустя полчаса взрывы и грохот прекратились. Осторожно подобравшись к окну, мы с мамой увидели множество взметнувшихся к небу пожарищ. На соседней крыше, словно множество орешков, щелкал раскалившийся шифер.

В классе стояла абсолютная тишина. Все, даже самые

неисправимые болтуны, превратились в слух. Только ветки белой черемухи, раскачиваемые ветром, настойчиво царапали оконное стекло.

– До полудня все в нашем доме думали, что это военные учения. Только какие-то страшные, с кровью и бомбежками. Потом по радио объявили, что началась война с Германией. Мы с мамой и Колей прибирали квартиру, когда пришел папа и рассказал нам о том, что происходило в городе. Немцы разбомбили почти все мосты, большие заводы и даже Центральный вокзал. Люди в панике бегали по магазинам и скупали все подряд. У сберкасс выстроились огромные очереди, но к вечеру деньги выдавать перестали. На мой вопрос, живы ли животные в зоопарке: «Ведь у них в клетках нет крыши!», папа ответил, что с ними все в порядке. Потом они с мамой закрылись на кухне и что-то долго обсуждали. Папа говорил сухо, как будто рапортуя, а мама все больше плакала.

В глубине класса кто-то тяжело вздохнул.

– Прошло больше недели, мы уже почти привыкли к ежедневным налетам. Как вдруг пришли родители с работы и велели нам с братом собирать вещи: «Завод уезжает в эвакуацию на Урал, и мы вместе с ним». Позже мы с Колей узнали, что отец записался добровольцем на фронт, хотя как высококлассный специалист имел бронь.

Людмила Михайловна налила себе в стакан воды из стоящей на столе бутылочки, сделала несколько мелких глотков.

Ребята сидели не шелохнувшись.

Поставив стакан с остатками воды на красную поверхность стола, она продолжила:

– Поздним вечером 29 июня 1941 года я, мама и брат сели в открытый полувагон эшелона, перевозившего работников и оборудование «Красного резинщика» в далекий холодный Свердловск. Тогда мы еще не знали, что едем на Урал насовсем и в Киев приедем только спустя двадцать лет, в составе экскурсионной группы передовиков резиновой промышленности.

Наша гостья встала, вышла из-за стола и остановилась в проходе между первым и вторым рядом парт. Внезапно ее лицо стало суровым, ласковые до этой минуты глаза превратились в кусочки серого гранита.

– До Свердловска мы ехали почти полтора месяца. Из-за того что одновременно эвакуировалось множество предприятий, поезда двигались медленно, как улитки. В дороге мы с Колей заболели желудочным гриппом. Помню, как мама поила нас сладким чаем, пахнувшим банными мочалками, вприкуску с пшеничными сухариками. А еще я очень боялась «подцепить швей». Кто были эти загадочные швейи и чем они так опасны, я не знала. Дочь формовщика, ехавшая с нами в вагоне, авторитетно заявила, что если они заведутся, то нас обязательно побреют налысо и волосы уже никогда не вырастут.

– А вам не было страшно? Ведь кругом война, фаши-

сты... – я наконец-то решилась задать один из подготовленных вопросов.

– Очень. Я боялась потеряться на станциях во время остановок или во время бомбежек, когда приходилось выпрыгивать из вагона в открытое поле. Я решила, что если я буду слабой, то предам Родину и солдат, бесстрашно воевавших на фронте. И старалась сдерживать слезы.

Людмила Михайловна посмотрела в окно. Ветер стих. За окном светило бледное уральское солнышко.

– В Свердловск мы приехали в начале августа. Город встретил нас серыми свинцовыми тучами. Никто и подумать не мог, что летом бывает +9, и поначалу мы очень мерзли в своей легкой одежде. Наш эшелон разгрузили прямо под открытым небом, у недостроенного трехэтажного здания с зловещим названием «Убойно-утилизационный мясокомбинат». Почти одновременно с нами прибыл «Красный треугольник» из Ленинграда. Московский «Каучук» приехал последним, уже зимой.

Внутри корпусов не было окон, проемы занавесили плотной тканью и начали устанавливать оборудование. Ночевали в цехе все вместе. Взрослые и дети спали прямо на бетонном полу, укрывшись брезентом или технической тканью. Позже нас (детей) переселили в красный уголок барака Мясохладстроя. А многие резинщики всю войну прожили прямо на заводе. И многие умирали от непосильной работы прямо у станков. Кто-то горько пошутил, что это и есть «стоять

насмерть».

Староста нашего класса Ирина подняла руку:

– А в школу вы ходили? Праздники отмечали?

– Знаете, ребята, как-то не до праздников тогда было. После смены взрослые, в основном женщины, пожилые рабочие и ребята постарше, получали различные наряды. Одни строили новые заводские корпуса, другие – жилье для работников, третьи – корчевали деревья для прокладки трамвайных путей. Мы с братом маму почти не видели.

В 1942 году, когда при заводе открыли техникум резиновой промышленности, Коля пошел туда учиться и тоже пропадал целыми днями вначале в учебном классе, а после занятий в цехе, у макательного аппарата. Пожалуй, самым главным праздником в тот год стал пуск линии для фронта. Когда в ночь на 16 декабря из-под прессов заводского цеха вышли первые башмаки и катки для танков, многие женщины, не стесняясь, плакали. Этот день стали считать днем рождения завода РТИ.

– А как же школа? – напомнила Ира.

Людмила Михайловна улыбнулась:

– В 1941 году я пошла в первый класс. Мама сшила мне форму на вырост, из своего старого шерстяного платья цвета вареной свеклы. В школу мы ходили пешком на Автовокзал. Помню, как ранним утром соберемся в кучу и идем через лес и речку Черемшанку. Уроки начинались в 7:30 у первой смены, а третья заканчивалась в 23:00. За партой сиде-

ли по четверо. Тетрадей не было. Писали мы сажей, разведенной водой, на старых обоях или между газетных строчек. Учебников не хватало. У нас был один комплект на несколько барачков.

После уроков ухаживали за грядками. Тогда вся свободная городская земля была одним сплошным огородом. А еще соседка по барачку, Дора Константиновна, старая еврейская женщина, научила нас вязать из старых ниток. И все свободное время мы без усталости вязали носки и варежки для бойцов Красной Армии. А те, кому не хватило спиц и ниток, носили воду и дрова для печек или присматривали за малышами.

Андрей Тарасов, главный хулиган нашего класса, внезапно прямо с места произнес:

– Моя бабушка рассказывала, что во время войны они с сестрой постоянно ходили голодные, плохо одевались и часто болели. И что за прогулки по улице после 10 часов вечера детей могли арестовать.

– Чувство голода не покидало меня в течение многих лет после окончания войны. До сих пор помню, как нас кормили супом из крапивы, одуванчиков или полыни. В лесу, там где сейчас стадион «Южный» и ДК РТИ, мы собирали сосновую и лиственничную хвою, которую потом заваривали вместо чая. Учительница сказала нам, что ней содержится много полезного витамина С.

В том же лесу собирали смолу для мазей, заживляющих раны, а по осени ягоды и грибы для сушки. С одеждой туго

было, некоторые ребята даже научились плести лапти, чтобы босиком по осени не ходить. Иногда в семье были одни валенки на всех, и тогда их надевал тот, кто шел на работу, а потом уж все остальные носили. Помню, как-то Коля пришел из техникума и принес сладкие булочки. Им усиленный паек дали. Мы всей детворой по-честному разделили их на миллион кусочков и мусякали во рту как леденцы.

В классе становилось понемногу душно, и дежурные решили приоткрыть окна. Прохладная струя свежего ветра проникла внутрь кабинета, приободряя загрустивших ребят. Всем так о многом хотелось спросить у гостыи, но слова застревали комом в горле: слишком уж тяжелыми были ее воспоминания о военном детстве. Некоторое время мы просто молча сидели.

– Ну, чего носы повесили? – голос Людмилы Михайловны зазвучал с новой энергией. – Война кончилась. Правда, ее окончание не означало, что пришло время отдыхать. Нам повезло: отец вернулся с фронта живым, в начале 1946 года. Он, как и другие фронтовики, сразу же включился в процесс строительства новых заводских корпусов на Монтерской.

На стройке вместе с заводчанами работали пленные немцы, находившиеся в то время в Свердловске. Помню, однажды папа принес домой маленький зеленый стульчик, сделанный для меня в качестве подарка пленным немцем. Немец очень скучал по своей дочери, оставшейся в Дрездене. Думаю, что таким образом он хотел проявить свою

нерастраченную отцовскую любовь. Долгие годы этот стульчик служил вначале мне, а потом и моим детям, сменив цвет со временем с зеленого на белый.

Встреча незаметно подходила к концу. Казалось, что мы вот-вот начали разговор, а прошло уже больше двух часов. За это время Людмила Михайловна успела рассказать нам о том, как она и ее брат Николай пошли по стопам родителей и всю свою жизнь посвятили заводу и району, рождение которых происходило на их глазах в трудные годы войны.

Прощаясь с этой удивительной женщиной, я вспомнила про пионеров-героев из книг с бабушкиного чердака. Теперь знала, многое можно пережить. Не сломаться, не отчаяться, не потерять себя. Маленькая Людочка Алексеева навсегда останется героем в сердцах учеников нашего класса.

Гряда

– Молодожены? – весело подмигнул нам сидящий напротив пожилой мужчина с огромной копной седых кудрей на голове. Я кивнул головой в знак согласия.

В этот мартовский день в вестибюле Чкаловского районного загса народа почти не было. Скучающий охранник, одетый в строгий черный костюм, дремал вполглаза за своим столом. У первого от входа кабинета о чем-то шепталась на своем языке семейная пара молодых киргизов с младенцем на руках. Они пришли регистрировать рождение сына и терпеливо ждали приглашения специалиста.

Мы с Полишей, так я называю свою будущую супругу, пришли подавать заявление на регистрацию брака. Нам обоим хотелось пожениться в конце апреля, когда на улице уже тепло, но не жарко как летом и нежная молодая зелень едва проклевывается сквозь набухшие почки деревьев. Уставшие от морозов птицы звонко поют высоко в небе, радуясь долгожданному солнышку, а лицо обдувает свежий легкий ветерок.

В этом году мы с Полиной заканчивали учебу в педагогическом университете и собирались работать земскими учителями в деревне Прохладная в трехстах километрах от Екатеринбурга. Директор школы ждала нас с нетерпением: до меня в их школе историю преподавать было некому,

а моя невеста должна была взять под свое крыло первоклашек.

– Я вот пришел договориться о торжественной церемонии на 40 лет свадьбы, – продолжил мужчина. – Хочу сюрприз сделать моей Валюше. Надеюсь, что мне не откажут. Мы ведь в 1978 году здесь познакомились. Ну, не в загсе, конечно, – улыбнулся он, – на строительстве дома.

– Вы строили этот дом? – удивленно спросила Полиша.

– Эти четыре девятиэтажки, тянущиеся от Военной до Братской сплошной каменной грядой, строила моя будущая жена. Она и ее подруги, маляры-штукатуры строительного управления №10 «Свердловскхимстрой». А я и товарищи, работавшие со мной на заводе РТИ, участвовали в субботниках на стройке. Помогали как чернорабочие. Завод РТИ в то время был настоящим гигантом. Накануне, в 1977 году, на собственные средства предприятия был построен знаменитый ДК им. Шестидесятилетия Октября (ДК РТИ) на восемьсот мест с кинотеатром и концертным залом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.